

## РЕЦЕНЗИИ

### А.Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ. ИЗБРАННОЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

М.: “РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ” (РОССПЭН)  
(СЕРИЯ “РОССИЙСКИЕ ПРОПИЛЕИ”), 2006. 688 с.

Судьба научного наследия выдающегося литературоведа, академика Александра Николаевича Веселовского, многие годы возглавлявшего Отделение русского языка и словесности Императорской Санкт-Петербургской академии наук, после 1917 г. складывалась довольно противоречиво. С одной стороны, дореволюционные издания его трудов оставались относительно доступны, поскольку имелись в фондах крупнейших библиотек и в книгохранилищах большинства университетов страны и не переместились в спецхран даже в пору кампании по борьбе с “низкопоклонством перед Западом”. На излете 1930-х гг. были опубликованы шестнадцатый том [1] собрания сочинений, подготовленная В.М. Жирмунским “диалогия”, состоявшая из “Избранных статей” и “Исторической поэтики” [2; 3]. Имя ученого прочно вошло в перечень классиков российской филологии, о чем наглядно свидетельствуют материалы юбилейного номера “Известий АН СССР”, посвященного его столетию [4] (см. также [5]). В то же время нельзя не заметить, что набор текстов, предлагавшихся читателю в советский период и первое постсоветское десятилетие, представлялся достаточно ограниченным<sup>1</sup>. Он ни в коей мере не соответствовал тому грандиозному замыслу издания тридцатитомного собрания сочинений ученого в трех сериях, который возник после его смерти и только отчасти был реализован академией наук в предреволюционные годы<sup>2</sup>.

Естественно, что на этом пути были и очевидные удачи: освоение научного наследия А.Н. Веселовского шло своим чередом. То, что было сделано для развития сравнительно-исторического литературоведения В.М. Жирмунским, М.П. Алексеевым, Н.И. Конрадом, заметно дополнили Е.М. Мелетинский, М.И. Стеблин-Каменский, авторы коллективных сборников по исторической поэтике, подготовленных ИМЛИ в 1980–90-е гг. Именно их усилиями, равно как и трудами С.С. Аверинцева, М.Л. Андреева, М.Л. Гаспарова, П.А. Гринцера, А.В. Михайлова,

И.О. Шайтанова, у большей части российского филологического сообщества сохранилось традиционное отношение к исторической поэтике как *особой* отрасли филологического знания (содержание которой вовсе не исчерпывается проблемами поэтологического характера), исконно претендовавшей на то, чтобы быть универсальной *литературоведческой методологией*.

Эту универсальность, следует заметить, изначально чувствовал и сам создатель российской исторической поэтики. То, что он говорит в известной лекции 1893 г., и сегодня звучит на удивление современно: “История литературы напоминает географическую полосу, которую международное право освятило как *res nullius*, куда заходят охотиться историк культуры и эстетик, эрудит и исследователь общественных идей. Каждый выносит из нее то, что может, по способностям и воззрениям, с той же этикеткой на товаре или добыче, далеко не одинаковой по содержанию. Относительно нормы не сговорились, иначе не возвращались бы так настоятельно к вопросу: что такое история литературы? Одно из наиболее симпатичных на нее воззрений может быть сведено к такому приблизительно определению: история общественной мысли в образно-поэтическом переживании и выражающих его формах. История мысли – более широкое понятие, литература – ее частичное проявление; ее обособление предполагает ясное понимание того, что такое поэзия, что такое эволюция поэтического сознания и его форм, иначе мы не стали бы говорить об истории. Но такое определение требует и анализа, который ответил бы поставленным целям” (с. 57).

Заглядывая в историю отечественного литературоведения советского времени, можно вполне обоснованно предположить, что и в эту эпоху историческая поэтика оказалась востребованной<sup>3</sup> –

<sup>1</sup> Правда, заслуживает специального разговора особый российский феномен – издание книг Веселовского в сериях, адресованных широкому читателю (см., например [6; 7]).

<sup>2</sup> В два послереволюционных десятилетия оно было продолжено несколькими томами [8].

<sup>3</sup> К счастью, претензии, предъявленные исторической поэтике и лично Веселовскому в ходе борьбы с “космополитизмом”, – в силу достаточно скорой смены политических установок и основного объекта идеологической критики (по иронии судьбы, им оказался как раз “назначенный” до того главным “оппонентом” исторический поэтики Н.Я. Марр) и относительной краткосрочности кампании – к тотальному разгрому сравнительно-исторического литературоведения не привели.

в силу кажущейся технологической неидеологизированности – именно как одна из немногих возможных “некрамольных” альтернатив основному идеологическому проекту, который, как известно, предлагал отечественной филологии не работающую методологию, а скорее набор ритуальных формул и формулировок.

Здесь следует подчеркнуть именно базисную универсальность исторической поэтики А.Н. Веселовского. Показательно, что ее отдельные составляющие с равным успехом включали в собственные научные концепции представители русской науки о литературе XX века, методологически стоявшие на полярных позициях: М.М. Бахтин – П.Н. Медведев и Л.В. Пумпянский, с одной стороны, и “формальная школа”, с другой (см. [9–11]), хотя у Веселовского оппоненты предпочитали брать только то, что укладывалось в русло их научных устремлений. Так, “формалистов” интересовали эпитет и психологический параллелизм и т.п., а Бахтина – на разных этапах – проблемы исторической поэтики, теория жанров и многое другое. Но сам факт, что теория Веселовского была активно востребована ими в ходе поисков новой литературоведческой методологии и создания нового научного языка, кажется весьма существенным. Не случайно, упоминая об “очередных задачах” науки о литературе, автор книги “Формальный метод в литературоведении” на излете 1920-х гг. прямо указывает на место и значение исторической поэтики: “<...> можно говорить о необходимости особой исторической поэтики как о посредствующем звене между теоретической социологической поэтикой и историей.

Впрочем, разделение теоретической и исторической поэтики носит скорее технический, нежели методологический характер. **И теоретическая поэтика должна быть историчной**” [12, с. 46] (выделено нами. – О.О., С.Г.). Очевидно, что с последним утверждением вряд ли станут спорить даже самые яростные поборники современной теоретической поэтики, также не отказывающиеся по большому счету от наследия А.Н. Веселовского.

На особой актуальности его исторической поэтики для сегодняшнего литературоведения акцентирует внимание читателя в развернутом введении составитель, научный редактор и комментатор тома И.О. Шайтанов. Изначально позиционируя себя как убежденного сторонника научной теории Веселовского, он предпринимает одну из первых в истории отечественного литературоведения попыток определить подлинное место ученого и его идей в современной науке.

Последовательно описывая процесс рецепции наследия ученого, автор предисловия приводит и тот набор претензий, предъявлявшихся Веселовскому как современниками, так и последующими поколениями исследователей. Об упреках оппонентов (от О.М. Фрейденберг до А.В. Михайлова и Е.М. Мелетинского) действительно следовало сказать особо: речь, естественно, не идет об обвинениях политического или идеологического характера.

Отметим только, что критика конца 1940–начала 1950-х гг. чрезвычайно красочно характеризует эпоху и вполне заслуживает специального рассмотрения как одна из наиболее показательных страниц интеллектуальной истории советской России этого периода.

На долю составителя выпадает иная задача – показать, как претензии к Веселовскому отражают те “лакуны” альтернативных теорий, которые удастся заполнить только “апофатически”, т.е. исключительно за счет отрицания сделанного предшественником. “Без преувеличения можно сказать, – констатирует автор предисловия, – что в его [Веселовского] присутствии создается все наиболее важное и новое в русской филологии за последние сто лет. Реагируют на этот факт по-разному. Одни – мистическим забвением о демиурге. Другие – куда более прозаическим неупоминанием или критическим отталкиванием. Наиболее общая модель: реверанс при входе в историческую поэтику с последующим ощущением полной творческой свободы (подаренной Веселовским). И тут уж творящему и созидующему сознанию трудно сохранить ясную голову, соблюсти академическую корректность” (с. 8).

Примечательным исключением оказывается позиция В.Я. Проппа, который не просто создает иную, по мнению ряда авторов, “корректирующую” Веселовского концепцию, изложенную в “Морфологии сказки”, но осознанно подчеркивает первенство своего предшественника, указывает на заимствованные у него идеи и термины, а предлагая новые, во многом альтернативные пути исследования, вовсе не отказывается от наследия великого ученого. По точному наблюдению И.О. Шайтанова, «Пропп полностью осознает, что вошел в его [Веселовского] пространство и пошел по его пути. Ломая схему, Пропп не только начал Веселовским, но – что почти не случается – закончил текст книги признанием его “огромного значения” и такими словами: “...наши положения, хотя они и кажутся нам новыми, интуитивно предвидены не кем иным, как Веселовским, и его словами мы и закончим работу...”» (с. 9).

Нужно признаться, что столь заметное внимание содержанию предисловия мы уделяем совершенно осознанно. Выделив набор ключевых проблем освоения научного наследия А.Н. Веселовского, определяя сегодняшний его статус, И.О. Шайтанов не ограничивается констатацией их значимости. В действительности перед составителем встает куда более масштабная задача: всей совокупностью публикуемого – от собственного вступления до работ А.Н. Веселовского и комментариев к ним – очертить видимые сегодня контуры его исторической поэтики.

При этом для составителя не возникает вопроса, считал ли завершенной свою концепцию исторической поэтики сам автор. Ему близка давно укоренившаяся в отечественном литературоведении точка зрения на “историческую поэтику” Веселовского как на научную теорию, если и не получившую окончательного оформления в виде законченного труда, то вполне сложившуюся на уровне концептуальном<sup>4</sup>.

Возможно, здесь могла бы развернуться полемика с составителем предшествующего, давно уже считающегося классическим варианта “Исторической поэтики”, датируемого 1940 г.<sup>5</sup> Однако И.О. Шайтанов избегает явного спора с В.М. Жирмунским, предлагая скорее корректный научный диалог двух литературоведческих эпох – советской и постсоветской, результатом которого предстает реструктурированная и дополненная версия. Предлагая иную, нежели в варианте 1940 г., конфигурацию “Исторической поэтики”, составитель соблюдает максимально возможную степень корректности и ссылается не столько на иное видение или понимание концепции Веселовского (на что, заметим, он имеет полное право), сколько на расширившийся за прошедшие шесть десятилетий корпус доступных текстов и сопутствующих материалов. Это и позволяет ему обоснованно утверждать: *«В настоящем издании*

*впервые предложена реконструкция “Исторической поэтики”, соотношенная с ее авторским замыслом»* (с. 50. – курсив автора, выделено нами. – О.О., С.Г.). Добавим, что впервые реконструкция авторского замысла Веселовского становится “целевой установкой” издания. Все-таки такой конкретно сформулированной задачи не ставилось ни в “Исторической поэтике” 1940 г., ни тем более в издании 1989 г. [13].

Подобная декларация требует не просто внимательного сравнения обоих вариантов “Исторической поэтики”, но и скрупулезного анализа имеющихся отличий. Думается, именно с детального сличения содержания версий “Исторической поэтики”, составленных В.М. Жирмунским и И.О. Шайтановым, начинается знакомство с рецензируемым томом заинтересованный читатель. И ... убеждается в правомерности заявленной составителем позиции. Напомним, что В.М. Жирмунский, в свое время предложивший двухчастную структуру “Исторической поэтики”, был достаточно лаконичен в объяснении своего выбора: *«В настоящем издании объединены работы ак. А.Н. Веселовского, непосредственно связанные с темой “Исторической поэтики”*. В первую часть входят статьи, напечатанные самим Веселовским и вошедшие в состав первого тома академического издания его сочинений <...> Вторая часть содержит материалы по вопросам поэтики, не предназначавшиеся самим Веселовским для печати, но имеющие большое значение для более глубокого понимания его идей в их историческом развитии и взаимодействии с передовой наукой его времени» [14, с. 38].

Конструкция И.О. Шайтанова гораздо сложнее, и причины этого очевидны: если в задачу В.М. Жирмунского входило ввести малодоступные тексты отца российской исторической поэтики в активный научный обиход, то день сегодняшний требует иного – завершить незавершенное самим автором, выстроить и, соответственно, представить написанное Веселовским как единое целое, живой и активно развивающийся научный “организм”.

Показательно, что том открывается статьей “Из введения в историческую поэтику. Вопросы и ответы” (1893), в которой Веселовским были, как известно, сформулированы наиболее общие принципы предлагаемой им “методики истории литературы” (с. 57). Следует признать, что такое размещение выглядит как нельзя более логичным: статья, в варианте В.М. Жирмунского находившаяся на “второй позиции”, действительно приобретает концептуальное звучание и, по большо-

<sup>4</sup> Ср. показательное мнение В.М. Жирмунского о том, что в трудах А.Н. Веселовского «сравнительное литературоведение из частной проблемы изучения “влияний” и “заимствований”, вырастает в принципиальную установку исследования, направленного на раскрытие закономерностей историко-литературного процесса в их обусловленности общими закономерностями социально-исторического развития» [5, с. 84].

<sup>5</sup> Нельзя не согласиться с тем, что и у “Исторической поэтики” 1940 г. была предшествующая версия в виде двух первых томов первой серии собрания сочинений А.Н. Веселовского, и, возможно, выйдя в ней все запланированное, вести разговор о реконструкции не было бы необходимо. К тому же серия задумывалась, как представляется, более широко, о чем свидетельствуют названия вышедших томов: “Поэтика. 1870–1899” и “Поэтика сюжетов. 1897–1906” [8].

му счету, определяет “тональность” восприятия следующих за ней текстов.

В той логике, которой вслед за Веселовским руководствуется составитель, как нельзя более уместной выглядит масштабная и до этого публиковавшаяся всего один раз В.М. Жирмунским статья “Определение поэзии” [15]. В ней автор фактически предлагает определение исторической поэтики как особой литературоведческой дисциплины, ее цели, задач, материала, ее, как мы могли бы сказать сегодняшним языком, исследовательской методологии и технологии. В этом смысле чрезвычайно показателен открывающий работу фрагмент: «Давно чувствуется потребность заменить ходячие “теории поэзии” чем-нибудь более новым и цельным, что бы отвечало тем потребностям знания, которые вызвали в наши дни сравнительно-историческую грамматику и сравнительную мифологию. Указав на эти дисциплины, я с тем вместе определил задачи, материал и метод новой поэтики. Ее задачей будет: генетическое объяснение поэзии как психического акта, определенного известными формами творчества, последовательно накапливающимися и отлагающимися в течение истории; поэзии, понятой как живой процесс, совершающийся в постоянной смене спроса и предложения, личного творчества и восприятия масс, и в этой смене вырабатывающей свою законность. Материалом такой поэтики будет поэзия во всех ее доступных нам проявлениях, от эротических порывов австралийской хоровой пляски до Шекспира и Отелло включительно. Чем обширнее охваченная область, тем более результатов следует ожидать от сравнительного изучения поэтических фактов, ибо метод новой поэтики будет сравнительный» (с. 83).

Устойчивый интерес ученого к поэзии как “первичному” материалу для анализа определяет характер текстов следующей части книги, получающей выразительный и необычайно современно звучащий заголовок – “Исторические условия поэтической продукции”. Здесь, добавим, составитель вновь вносит коррективы в ставшую привычной структуру “Исторической поэтики”: бывшие “Три главы из исторической поэтики”, традиционно публиковавшиеся вместе, оказываются, наконец, на местах, отведенных им самим Веселовским. Между первой (“Синкретизм древнейшей поэзии и начала дифференциации поэтических родов”) и второй (“От певца к поэту. Выделение понятия поэзии”) напечатана статья “Эпические повторения как хронологический момент”, выступающая своего рода связующим звеном.

Глава “Язык поэзии и язык прозы” открывает следующий раздел – “История поэтического стиля”, включающий в себя “хрестоматийные” статьи Веселовского “Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля” и “Из истории эпитета”. Подобное сочетание текстов ведет к разрушению уже сложившегося “автоматизма” в их восприятии, а установка составителя на размещение работ Веселовского в соответствии с авторским контуром исторической поэтики, а не по хронологии придает текстам еще большую глубину. Более того, оказавшись в едином проблемном поле соответствующего раздела, они дополняют и развивают заложенные автором смыслы, что, собственно, и отмечает в комментарии И.О. Шайтанов: «<...> работа о психологическом параллелизме печатается вслед за главой “Язык поэзии и язык прозы”. Там был дан более общий аспект проблемы поэтического языка и предпринято определение психологического параллелизма <...>» (с. 498).

В качестве финальной части составитель сохраняет “Поэтику сюжетов”, дополненную фрагментами из архива Веселовского, которые в свое время опубликовал М.П. Алексеев [16]. Незаконченность текста, включающего в себе три развернутых главы, а также конспекты и наброски еще восьми, конечно же, вызывает у читателя чувство сожаления. Утешает отчасти только одно: перед нами открывается уникальная возможность заглянуть в творческую лабораторию ученого, увидеть, как и в каком направлении движется его мысль непосредственно в тексте, как постепенно возникает на страницах его исследования феномен названный ученым “сюжетностью”, выявляются типы сюжетов и т.д.

Особого внимания заслуживает предложенный И.О. Шайтановым комментарий к текстам “Исторической поэтики” Веселовского, подкупающий глубиной и адекватностью понимания поставленных Веселовским вопросов, точным знанием деталей и умением донести их до читателя. Пожалуй, впервые тексты Веселовского комментируются с такой тщательностью и научной основательностью, с привлечением максимально широкого круга дополнительных источников.

Так, поясняя смысл данного ученым определение истории литературы как “истории общественной мысли в образно-поэтическом переживании и выражающих его формах” (с. 57), комментатор дает подробный анализ того, как это определение вписывается в общий контекст исторической поэтики: “Открывая “Введение” определением того, что он теперь понимает под историей литературы,

А.Н. Веселовский вносит существенные поправки в формулу, данную им самим почти четвертью века ранее – в 1870 г. в лекции, тогда же опубликованной “О методах и задачах истории литературы как науки” (см.: во вступит. стат. по поводу полемики Н.И. Кареева, который, основываясь на первоначальном определении 1870 г. заподозрил, что А.Н. Веселовский недостаточно учитывает эстетическую сущность литературы).

Задача определения предмета истории литературы представлялась особенно важной и была осознана А.Н. Веселовским именно в тот момент, когда история литературы только еще сложилась как самостоятельная область знания, со своими “академическими формами и жанрами”» (с. 75).

При этом комментатор не оставляет без внимания и примечания своих предшественников, по мере необходимости вводя их в текст пояснений. Корректность и тщательность комментария компенсирует даже, скажем так, “непривычность” его размещения, не характерную для академических изданий. С одной стороны, то, что комментарий следует сразу за комментируемым текстом, может показаться довольно удобным. Однако тем самым нарушается единое пространство комментария как особого типа текста, обладающего внутренним единством и цельностью замысла. Но это уже скорее вопрос комментаторских, редакторских и читательских предпочтений и вкусов.

Нет сомнений, что задача реконструировать “Историческую поэтику” в соответствии с замыслом самого А.Н. Веселовского нашла в рецензируемом томе свое решение. Почти через 70 лет после тома “Исторической поэтики”, составленного В.М. Жирмунским, читателю предложен новый, научно обоснованный, во многом заметно улучшенный вариант книги. Таким образом, сделан серьезный шаг к подготовке академического издания “Исторической поэтики” А.Н. Веселовского и, надо надеяться, академического собрания его сочинений.

*О.Е. Осовский, С.П. Гудкова*

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веселовский А.Н.* Статьи о сказке. 1868–1890. М.; Л., 1938. (Собр. соч. Т. 16. Сер. V. Фольклор и мифология. Т. 1).
2. *Веселовский А.Н.* Избранные статьи. Л., 1939.
3. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л., 1940.
4. Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1938. № 4.
5. *Жирмунский В.М.* А.Н. Веселовский и сравнительное литературоведение // Избр. труды: Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979. С. 84–136.
6. *Веселовский А.Н.* Мерлин и Соломон: Избр. работы. М.; СПб., 2001. (Антология мысли).
7. *Веселовский А.Н.* Народные представления славян. М., 2008. (Philosophy).
8. *Веселовский А.Н.* Собр. соч. Т. 1–6, 8, 16. СПб.; Л.; М., 1908–1938.
9. *Николаев Н.И.* Энциклопедия гипотез // *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 16–20.
10. *Осовский О.Е.* Роман в контексте исторической поэтики: от А.Н. Веселовского к М.М. Бахтину // Бахтинский сборник. М., 1992. Вып. 2. С. 312–342.
11. *Шайтанов И.О.* Бахтин и формалисты в пространстве исторической поэтики // М.М. Бахтин и перспективы гуманитарных наук. Витебск, 1994. С. 16–21.
12. *Медведев П.Н.* Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928.
13. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 1989.
14. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 2004.
15. *Веселовский А.Н.* Определение поэзии // Русская литература. 1959. № 2. С. 180–189; № 3. С. 89–121.
16. *Веселовский А.Н.* Фрагменты “поэтики сюжетов”. Экскурсы в области сюжетности (Чтения 1902 года). Программа // Ученые записки ЛГУ. Л., 1940. Т. 64. С. 5–16.